

Преслѣдуемъ, терзаемъ буду
Ея рукой холодною повсюду,
Какъ совѣстью мятеною; если
Кровавое пятно и день и ночь [са?..
Глазамъ безсоннымъ станеть представлятъ-
Какъ? Я боюсь? Соррини сталъ бояться?
Кого? себя!.. стыдися... нѣтъ тѣней,
Нѣтъ призраковъ; могила слишкомъ крѣпко
Свою добычу держать, чтобъ она
Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
Но совѣсть!.. совѣсть вздоръ, однако жъ...
Какъ, Соррини,
Ты совѣсти боишься, и давно ль? (ударяетъ
ногой въ землю).

Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

Доминиканецъ: Доновъ готовъ.

Соррини (подписываетъ): Я подписалъ.

Доминиканецъ: И я

Соррини: Идемъ!

Доминиканецъ: Ужель доновъ подать бо-
товарищъ, ты дрожишь? [ишься?

Соррини: Отъ радости (береть палку и
Вотъ все мое оружіе, пойдемъ, [плащъ).

Доминиканецъ: И горе
Врагамъ закона нашего и нашимъ!
Пошады нѣтъ! клянемся.

Соррини: Нѣтъ пошады!

Какое же мученіе избрать,
Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
Всю тягость нашихъ рукъ, всю тягость
Закона для отступника, не сжечь ли?
Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой
Доминиканецъ: Нѣтъ, четвертить. [домъ.

Соррини: Свинца кипящаго
Ему влить въ горло.

Доминиканецъ: Или на гвоздяхъ
Его заставить спать.

Соррини: О, еслибъ онъ имѣлъ
Сто жизней, я бы каждую инымъ,
Ужаснѣйшимъ терзаньемъ истощилъ...
Однако цѣль моя достигнута... (Потираетъ ру-
ками).

Доминиканецъ: Пойдемъ!
И съ помощью святого Доминика
Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ!
(Уходятъ въ радости).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Домъ Алвареца. Столъ. Свѣча на столѣ.

Алварецъ (сидитъ у стола):

И такъ, она бѣжала отъ меня

Съ Фернандо... убѣжала съ негодеемъ.

Донна Марія: Какъ я тебѣ сегодня объяснила;
Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
За этого бродягу выйти замужъ?

Алварецъ: Такъ не хочу же плакать объ не-
благодарной.

Донна Марія (насмѣшливо): Плачь, нѣтъ,
плачь!

Объ дочери такой нельзя не плакать!

Алварецъ: И какъ она была привязана ко

Донна Марія: Да, это видно! [мнѣ!

Алварецъ: Гдѣ тутъ стыдъ?

Покрѣтъ сѣдые волосы отца
Безцѣстемъ, помятыя надъ отцомъ,
Любовницею быть бездомнаго бродяги,
Въ такихъ лѣтахъ... А, это слишкомъ много!
Нѣтъ!.. звѣри благороднѣй! звѣри лучше!
Донна Марія: Побереги себя!..

Алварецъ: Пускай она съ Фернандо,
Какъ нищая подъ окнами блуждаетъ.

Я отвергаю отъ себя ее!

Эмилиа не дочь мнѣ: пусть она
Найдетъ отца себѣ другого; я отвергнулъ
Безстыдную отъ сердца своего.

Когда бъ она пришла къ моимъ дверямъ,
Усталая, голодная, худая

Какъ смерть, когда бъ она просила

Кусочка хлѣба у меня, и этого

Я бъ не далъ ей; пускай она умретъ

На обезцѣщенномъ моемъ порогѣ!..

Донна Марія: Ты боленъ, другъ, не хочешь
ли прилечь?

Алварецъ: Такъ! мнѣ покой необходимъ те-
перь; Я чувствую, что я совсѣмъ разстроенъ. [ишь;

Донна Марія (въ сторону): Бѣднякъ вѣдь
точно весь измученъ.

Алварецъ: Боже!

Зачѣмъ ты далъ мнѣ дочь, зачѣмъ послалъ
Ты съ ней безцѣстье на голову мою?

О, накажи ее, проку ты...
Молю тебя... Изъ древняго семейства

И такъ бѣжать съ Фернандо! нынѣ вижу.

Я вскормилъ змѣю въ своемъ дому... (Ухо-
дитъ).

Донна Марія: Что дѣлаетъ теперь любезный
Соррини?—вѣрно онъ ужъ сорвалъ [шаръ

Цѣтокъ невинности и наслажденья!..

Пришлетъ ли онъ еще подарокъ мнѣ,

Его сотрудницѣ!.. Конечно, онъ пришлетъ!..

Мнѣ кажется, что начинаю я

Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбы!

А я была вѣдь главною причиною!..

О, совѣсь, для чего терзаетъ меня

Не кетати? Прямъ бы терзала:

Теперь помочь едва ли могутъ люди. (Откры-
ваетъ ящикъ стола и вынимаетъ подарки Сорри-
ни; смотритъ на нихъ и кладетъ на мѣсто опятъ).

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ

И камни дорогіе!—руки, пальцы

Мои дрожать, когда я ихъ держу;

Какая-то невидимая сила

Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы;

Прочь! прочь!.. (Кладетъ въ ящикъ).

Какъ могъ меня прельстить

Подобный гадкій жемчугъ?.. Совѣсь, ты

Не хочешь покидать моей души?..

Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?..